

Благодарю Игоря Аверкиева,
без которого не было бы этой книги.

Благодарю Леонида Юзефовича
за всестороннюю помощь и поддержку.

Благодарю Юрия Крылова,
который прочел мою рукопись,
когда ее не читал никто.

*Посвящается моему другу Артему Летовальцеву,
который очень ждал выхода этой книги,
но не успел поддержать ее в руках*

Коса

Зимой хорошо. Зимой можно кататься с горки, снежками пулять, играть в царя горы или строить Камелот на круче возле пекарни. Из пекарни вкусно пахнет булочками, а тетя Таня чаем угощает горячим. Из стакана в подстаканнике, как в поезде. А еще можно на горку ходить. Она прямо за домом, а в конце кочка, чтобы подпрыгивать и кувыркаться. Но лето все равно лучше. Мы всем двором ждем лето, особенно в апреле или когда март. Купание потому что. Лично мне очень нравится плавать. Говорят, в городе есть пляж. И в Закамске, говорят, есть пляж. Но я хожу на Косу. Пехом всего полчаса получается. А если на велосипеде, то за пятнадцать минут можно. Только с велосом неудобно, потому что его через железнодорожные составы замаешься перетаскивать. Иногда четыре состава надо миновать, пока до Косы дойдешь. А без велосипеда хоть и долго, но ловчее. Даже если поезд тихонечко едет, все равно можно пролезть. Главное — не зевать. А когда назад идешь, вообще красота! Можно за поезд кляпнуться, и он прямо до Пролетарки довезет. С ветерком.

Этим летом мы всем двором купаться пошли. Я, Вадик, Борька, Миша, Саня и Виталька. У Вадика родители на мукомолке работают, и поэтому они хлеб дома пекут, в духовке, по бабкиному рецепту. Он всегда на речку каравай белого берет. Тепленький такой, мягко-

бокий. Из него катышки хорошо делать, подкидывать и ловить ртом.

У Борьки папа на самолете летает. У них дома всякие диковинные штуки есть. Тетка, например, из черного дерева с огромными титьками. Или веер с девушкой в кимоно. Или бумбокс, на котором можно маленькие блестящие диски слушать.

Мишу воспитывает мама. Мишин папа в командировку уехал три года назад и еще не вернулся. Зато у него есть видеомэгафон «Акай». Мы по нему всякие фильмы смотрим, а один раз даже эротический мультик смотрели.

Санины родители служат в милиции. Они в том году на Кипр летали, а Саня нам потом фотки показывал. Там все белое, светлое все, светлее, чем у нас летом. И люди такие довольные, будто с утра до вечера арбузы едят. Очень сочное место. Мы теперь туда все хотим улететь, но пока не знаем как.

Виталька самый крутой из нас. Он на турнике выход силой на две руки делает. На пианино играет. Ныряет головой вниз даже с высокого понтона. А еще у него большая собака — ротвейлер. Виталька чупа-кэпсы собирает. Три коллекции уже собрал — простушек, переливаек и «Мортал комбат». Мы все в чупа-кэпсы рубимся. Или в «Турбо». На бетонке у мусоропровода, когда не жарко. Или в квадрат пинаем за домом. Или на велосипедах в Закамск гоняем. Или на стройке заброшенной в сифу играем. Там кран башенный стоит и можно в кабине посидеть. Или даже по стреле прогуляться. Но речка, конечно, лучше всего.

В этот раз мы пошли на Косу прямо с утра. На станции встретились, а потом пошли. С рюкзаками. Я два бутера взял и бутылку воды. Вадик с караваем, это уж как всегда. Борька конфет раздобыл. Миша три паке-

тика «Юппи» в киоске купил. У него день рождения недавно был. Санек два больших калача с маком при-
волок. А Виталька только с полотенцем пришел. У него
батя бухал, и он по-тихому свинтил, чтобы не нагнетать.

По дороге на Косу есть три интересных места и два
интересных занятия. Занятия такие: ступать по шпалам
не семеня, а строго через одну. Ну, или через две, если
ты Виталька. Это очень трудно — не сбиться с шага.
Кто меньше сбился, тот и победил. Второе занятие еще
сложнее — надо пролезть под составом, чтобы ничем
его не коснуться. А если состав тихонечко едет, то про-
прыгнуть под ним, чуть только колеса мимо проедут.
Теперь про интересные места. Свинарник. Там рань-
ше хрюшки жили, а теперь живут буби. Мы их копаем,
когда на Белое озеро идем рыбачить. Свинарник весь
пошарпанный, а внутри хоть глаз выколи. Дверей нет,
и он будто бы на тебя смотрит черным глазом. Как
циклоп из книжки. Одному туда страшно со свету за-
ходить, и мы всегда вдвоем заходим. В свинарнике
прохладно. Иногда охота этому порадоваться, ведь на
улице жара, а радости не получается. Неправильная
прохлада потому что. Мороз по коже.

Вадик говорит, что хрюшек убили и теперь они при-
зраки, и поэтому тут холодно. А Виталик говорит, что
это все фигня, просто у свинарника стены каменные.
Не знаю. У меня дома тоже каменные, но нисколько
не зябко.

Камушки. Это маленькое озеро. Лягушатник такой
для самых мелких. Но туда не только малыши ходят.
Мы как-то вечером с Косы шли, а там тетя с дядей ку-
паются. Голые. А потом тетя на трубу коленками встала
(там труба под водой идет, притопленная), а дядя сзади
пристроился и давай в тетю тыкаться. Как в эротиче-
ском мультике. Ну, мы в кустах немножко полежали

и дальше пошли. В этот раз на Камушках никого не оказалось. Зато я камышей нарезал. Из камышей отличные стрелы получаются. Я себе лук из рябины сделал. С леской вместо тетивы. Мне отец перочинный ножик подарил. В форме рыбки. Чтобы я мог в ножички играть и мастерить лук. У нас у всех есть перочинные ножички, потому что мы очень любим в них играть.

Завод. Это уже рядом с Косой. Он заброшенный, как свинарник. Мы раньше через него на Косу ходили, а сейчас нельзя — шлагбаум стоит, и табличка про злых собак намалевана. Поэтому мы в обход идем, через Белое. На Белом мужики сетями рыбачат и пьют в палатках. Мы туда не любим заходить. Мы налево поворачиваем. Там деревья расступаются и прямо пустота, и старая котельная, и Кама. А на той стороне железные цапли песок из реки вычерпывают.

Вот мы и пришли на Косу. Это заливчик такой на Каме. Там чуть поодаль баржа стоит и понтоны пришвартованы. Я это слово знаю, потому что читал «Одиссею капитана Блада». Мы обычно с понтонов ныряем. Просто так плавать не очень интересно. Это как бег и футбол. В этот раз мы тоже сразу на понтоны приплыли. Они горячие, как чай у тети Тани, долго босыми ногами не прстоишь. А головой вниз только Виталька нырять умеет. Все остальные бомбочками прыгают или солдатиками. В том году к берегу труп прибило. Миша в него прутиком тыкал, а Виталька сказал, что надо домой идти и вызвать милицию.

А еще тут рыбы селитерные водятся. Говорят, у них червяк белый внутри, и поэтому они наверху плавают, а вниз уплыть не могут. Сегодня мы решили одну такую рыбку поймать и проверить. А Борька захотел научиться нырять головой вниз. Виталька ему все объяснил и сказал, чтобы он подальше от понтона отталки-

вался, иначе можно под него уйти и не выплыть. Только Борька перестарался — слишком сильно оттолкнулся, и у него ноги за спину перелетели. Можно сказать, он под противоположным углом в воду зашел. Как раз под понтон. Я даже испугаться не успел, а Виталька уже нырнул. Их долго не было, секунд тридцать, а потом появились. Больше Борька с перил не нырял. Только с самого низа понтона, тихонечко.

Пообедав, мы поплыли ловить селитера. Жирного такого окуня поймали. Расположились на берегу. Устали. Санька окуню живот вскрыл. Ножичком аккуратно пропилил, раздвинул края. Мы аж головами стукнулись, так было любопытно заглянуть внутрь. Не наврали люди. И вправду белый червяк в рыбе копошился. Плоская такая матанга, вертлявая. Мы его на камне разложили с помощью ножей. Как ленточка резиновая, только живая. Тут Миша смекнул, что этот червяк окуня погубил и его надо казнить. Казнили. Каждый своим ножом отрезал от червяка кусочек. Потом Вадик вырыл ямку, и мы селитера похоронили. Мы вообще часто кого-нибудь хороним. Собаку мертвую нашли — похоронили. Голубя похоронили. Кошку. Борька даже труп, который к берегу прибило, похоронить хотел, но Виталька не позволил.

После похорон мы еще покупались, а потом легли на песочек в небо смотреть. Когда мы устаем, нам очень нравится лежать на песочке и в небо смотреть. Я обычно засыпаю, а Вадик кладет мне на голову бейсболку, чтобы не напекло. Все время про нее забываю, такой уж я человек.

В тот день домой мы двинули ближе к восьми вечера. Мне нравится возвращаться домой, когда я там целый день не был. А Виталька вообще дом не любит. А Борька постоянно по папе скучает, но никому об этом

не говорит. А Мишка, по-моему, хочет убежать. Саньке и Вадику дома тоже не нравится. Чего там сидеть, когда все на работе?

Короче, никто из нас не торопился, но мы все равно решили прокатиться на поезде. Минут пятнадцать дожидались товарняка на повороте, где у него скорость маленькая. Кляпаться за поезда надо так: сначала бежишь рядом, а потом вспрыгиваешь на боковую лесенку, но чтобы и ногами запрыгнуть, и руками поручни ухватить. Тот, кто первым запрыгнул, залазит выше, а на его место запрыгивает другой. Впятером на одном вагоне с разных концов запросто можно разместиться. Ну, мы и разместились. Едем. Славно. Ветерок щеки щекочет. Вдруг сверху кто-то заорал: «А ну пошли на-хер отсюда!» Мы, конечно, сразу посыпались. Это старшаки на поезд с другой стороны запрыгнули, влезли на крышу и оттуда пошутили.

А мы когда ссыпались, то немного растерялись, и Виталька в стрелку наступил. А поезд уже прошел, и стрелка автоматически переключилась. Я смотрю — Виталька отстал и не идет. А потом смотрю — ему ногу рельсой зажало. Сгрудились все, конечно, давай тянуть. А Виталька говорит: без толку, бегите за помощью. Взрослых зовите и железнодорожников, а не то меня переедет. А я быстрее всех бегаю. Побежал. Со всех ног прямо. К сортировке уже подбежал, когда поезд услышал. У моего приятеля брата старшего поездом сбило. Он напился на Девятое мая и проехал Пролетарку. В Шабуничах вылез. Пехом домой пошел по рельсам. Не заметил электричку. И второго моего приятеля поездом сбило. Он к бабушке поехал в Челябинск, клея нанюхался и уснул на шпалах. Проспал локомотив, хотя он, говорят, дудел. Короче, я как поезд услышал, назад побежал. А он уже едет по тому месту, где Виталь-

ка стоял. Я на обочину слинял и стал состав пережидать. Главное — пацанов нигде нет. Ни разговоров, ни криков, ничего. Только лязг в ушах стоит и маслом пахнет. Так прямо одиноко, хоть с кулаками на эту махину бросайся.

Наконец поезд проехал, и я увидел пацанов. Они все на той стороне были, и Виталька тоже. Его путеец из стрелки достал, потому что рядом с рельсой рычаг был, который ее разжимает. Путеец его нажал, и Виталька освободился. После этого случая мы на Закамский пляж стали ездить. Нас родители туда отпустили под Виталькину ответственность, потому что ему тринадцать, а нам всем по одиннадцать. Там кладбище кораблей есть, и понтоны есть, и даже тарзанка есть, а поездов нет.

Тайная победа

В соседнем доме, который мог бы прилегать к моему верхней перекладиной буквы «Т», жили восьмилетние: Топа, Шiba, Кока, Киса, Дрюпа и Саврас. А я приехал с Кислоток и был весь такой солидный, девятилетний. С велосипедом. Батя на «Велте» работал, и им зарплату великами выдали. Сейчас мне кажется, что это был намек, типа а катитесь-ка вы отсюда. А я тогда очень обрадовался. В девять лет ценность денег неочевидна. Зато от своей «Камы» я прямо отойти не мог. То есть я реально на велике не ездил, а катал его по двору. Старик Виктор, сосед наш, «конюхом» меня дразнил. А потом я научился. Упал, конечно, пару раз. Один раз в лужу даже. Но искусством овладел. На Пролетарку я уже состоявшимся велосипедистом прибыл.

А тут, значит, Топа, Шiba, Кока, Киса, Дрюпа и Саврас. Малолетки. Только-только на велики сели. По-девчачьи седлают. Не над сиденьем ногу перекидывают, а над рамой вставляют. Вокруг дома круги наматывают. А на Пролетарке тогда чего только не было! Вместо торгового центра «Времена года» Шанхай стоял. Это такой частный сектор, где огороды и цыгане. Цыгане там «винт» варили, но я об этом тогда не знал. Я его намного позже попробую. Всем пролетарским пацанам, у которых бабушек в деревне не было, этот Шанхай деревню заменял. Там гуся щипучие жили. Петух-гоголек. Корова томная ходила. Это если пехом, а если на великах, то вообще шикардос. Велики высокие, и с них

за забор можно заглядывать. Да и гусей дразнить безопаснее, потому что все равно уедешь.

Еще хорошо было ездить на Красноборскую. Там какой-то богатеи замок построил. А замок — это ведь почти «Айвенго». Все равно что ты вот читал-читал книжку, а потом увидел. Если по Красноборской до конца проехать — там кладбище. Машин нет, а дороги есть — гоняй сколько влезет. Я там отрабатывал такое, знаете, крутое торможение, когда фууух! — и вбок.

Но самое интересное, конечно, это в Закамск гонять. Вглубь. На Героя Лядова. Или даже на Стадион. Или вообще на Водники, где кладбище кораблей. На Каму на «Камах», каламбур такой. Когда туда едешь, Комсомольский поселок проезжаешь. Говорят, его пленные немцы строили, и поэтому дома там не по-нашенски выглядят. Они все двухэтажные (кроме общаги четырехэтажной, я в ней потом буду жить, когда меня в розыск объявят), и каждый как бы со своей особенностью. Один дом такой, другой вот такой, а на третий с торца что-то налеплено. Это прямо замечательно было, потому что наши дома все одинаковые и на дома не очень похожи. Будто мы все в коробках из-под холодильников живем, только больших и бетонных. На самом деле это, конечно, не так. Я потом буду бомжевать и три ночи в такой коробке просплю. Исключительный опыт, не то что в панельке копчик протирать.

Я все эти места один исследовал, а когда с Топой, Шибой, Кокой, Кисой, Дрюпой и Саврасом познакомился, то с собой их позвал. Мы на «кузнечике» подружились. Это такая качель. Бревно железное, за которое с двух сторон руками надо браться и ногами землю толкать. Саврасу этой качелью голову пробило, и мы все стали его спасать. Несчастный случай нас вроде как сдружил.

Топя и Шибя — братья. Они подпевали. У них мама в больнице работает, а папа дома строит. Кока высоченный, выше меня, хотя и восьмилетка. Он сам себе на уме и про него никогда ничего не понятно. У Кисы папа офицер. Киса тоже на офицера похож. Прямой весь, с таким, знаете, лицом... Моя мама называет его породистым. Не знаю. Я когда слышу «породистый», сразу ротвейлера представляю. А у Кисы как раз ротвейлер, прикиньте? Породистый с породистым гуляет, каламбур такой.

Дрюпа — хоккеист. Его родители в «Молот» возят, поэтому он с нами не очень часто бывает. У Дрюпы голова квадратная. Я его иногда по голове глажу и говорю: «Не плачь, мальчик, у тебя голова не квадратная». Это моего папы шутка. Он так надо мной шутит, а я перенял. Не знаю. Может, это унизительно, но никто не обижается. Такие уж мы люди.

Саврас очень быстро бегают. Мы тогда не знали, что саврасками лошадей называют, а то смеялись бы, наверное. Он с мамой одной жил, потому что папа пил-пил и умер. Саврас его плохо помнит. Помнил только, что отец ему кинжальчик из дерева выстругал. А так батя у него сначала в тюрьме сидел, а потом с мужиками ползал. Саврас вообще молчаливый весь, будто ему не восемь, а десять с хвостиком.

Пацаны тогда второклашками были, а я третьеклашкой. Я еще не знал, что через год меня в пятый «Е» переведут и петухами я уже не птиц буду называть, а живых людей. Я тогда думал, что всегда с Топой, Шибой, Кокой, Кисой, Дрюпой и Саврасом буду дружить. Если б знал, что только одно лето с ними буду дружить, я бы, наверное, по-другому дружил. Но мы ведь таких вещей никогда не знаем, правда?

В тот день, о котором рассказываю, мы прямо с утра все собрались, чтобы поехать на кладбище кораблей.